

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37

EDN: DCKSPU

Научная статья / Research article

Общинная традиция в доромановской России

О.Ю. Яхшиян

Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, 99

✉ yakhshiyana@mail.ru

Аннотация. Понимание основных закономерностей политической истории России будет заведомо неполным без научного осмысления роли общины (земледельческой, посадской, крестьянской) в развитии отечественной государственности на каждом соответствующем ее этапе. Единство и непрерывность отечественной истории вплоть до советского периода включительно обеспечивалось воспроизводством общины в различных ее конкретно-исторических формах. С общинной традицией неразрывно связан выход из наиболее значимых точек бифуркации в истории России: возрождение отечественной государственности и после свержения ордынского ига, и в ходе преодоления Смуты начала XVII века. Статья посвящена рассмотрению общинной традиции как долговременного фактора истории отечественной государственности. Акцентируются связанные с общиной маркеры цивилизационной специфики России (отношение к частной собственности, соседский характер). Последовательно обосновывается взгляд на политогенез восточных славян и государственность земель домонгольской Руси как формирование и развитие системы соподчиненных общин. Выявляется включенность сословного самоуправления тяглых посадских и волостных миров в систему государственного управления Московской Руси в качестве низовой администрации.

Ключевые слова: общинная традиция, общинное самоуправление, крестьянская община, территориально-соседская и кровно-родственная общины, волостные и посадские миры, политогенез, система соподчиненных общин («земля»), система государственного управления

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Яхшиян О.Ю. Общинная традиция в доромановской России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 29–37. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37>

© Яхшиян О.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Community Tradition in Pre-Romanov Russia

Oleg Y. Yahshiyani

State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 109542

✉ yakshiyani@mail.ru

Abstract. The understanding of the basic laws of the political history of Russia will be obviously incomplete without a scientific understanding of the role of the community (agricultural, rural, peasant) in the development of national statehood at each appropriate stage. The unity and continuity of the national history up to and including the Soviet period was ensured by the reproduction of the community in its various concrete historical forms. The way out of the most significant points of bifurcation in the history of Russia is inextricably linked with the communal tradition: the revival of the national statehood both after the overthrow of the Horde yoke, and during the overcoming of the Troubles of the beginning of the XVII century. The article is devoted to the consideration of community tradition as a long-term factor in the history of national statehood. The markers of the civilizational specificity of Russia associated with the community (attitude to private property, neighborly character) are emphasized. The view of the politogenesis of the Eastern Slavs and the statehood of the lands of pre-Mongol Russia as the formation and development of a system of subordinate communities is consistently substantiated. The inclusion of the estate self-government of the tyagly posadsky and volost worlds in the system of state administration of Moscow Russia as a grassroots administration is revealed.

Keywords: communal tradition, communal self-government, peasant community, territorial-neighborly and blood-related communities, volost and village worlds, politogenesis, system of subordinate communities (“land”), public administration system

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Yahshiyani O.Y. Community Tradition in Pre-Romanov Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):29–37. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37>

Введение

В русской общественно-политической мысли уже довольно давно, со времени первых баталий славянофилов и западников, община дискутируется и осмысливается как самобытность, как цивилизационная особенность. Невозможно отрицать устойчивость общинного быта, землепользования и самоуправления как базовых характеристик повседневной жизни абсолютного большинства русского народа на протяжении практически всей отечественной истории, за вычетом нескольких последних десятилетий XX века и позднее. В среде русского крестьянства из века в век упорно воспроизводилось общинно-надельное землевладение с категорическим ментальным неприятием частно-индивидуальной собственности на землю. Из века в век воспроизводилось мирское (общинное) самоуправление с практикой решения всех вопросов на сходе, единогласием, системой выборных и поочередно замещаемых должностей, круговой порукой, равноправием общинников (глав дворов). В этом, собственно, и состоит великая русская общинная традиция:

общинно-надельное землепользование, трудовое право на землю, самоуправление, ментальные установки на равенство, взаимопомощь, неприятие частной собственности и индивидуализма. Именно эта традиция породила оригинальную версию социалистической идеологии — русский общинный социализм.

В современном российском научном и общественном дискурсе преимущественно признается, хотя и далеко не всегда с энтузиазмом, общинная традиция как цивилизационная специфика. При этом ее содержание как набор вполне определенных установок и ценностей редко артикулируется. Об этом по понятным соображениям стараются не думать и не говорить либералы. Показательно, что и консерваторы-традиционалисты стараются не поднимать на щит общинную традицию, хотя в контексте отечественной истории эта традиция — всем традициям традиция. Большинство профессионалов, историков и обществоведов объясняют русскую цивилизационную общинность совокупным действием нескольких факторов «большой длительности» (Ф. Бродель). Живучесть русской общины объясняется, во-первых, особенностями развития аграрного социума в специфических природно-климатических и географических условиях с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Во-вторых — особенностями суверенного государственно-политического развития в условиях постоянных внешних угроз, нередко — экзистенциального характера. В-третьих, православие в России на протяжении веков культивировало свойственные общинному сознанию установки и ценности. В этой связи характерно полусушительное разъяснение понятия «соборность», предложенное известным славянофилом А.С. Хомяковым: «русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить» [1. С. 209].

Отношение к частной собственности — существенный маркер цивилизационной специфики. Уравнительный принцип наделения каждого крестьянского двора земельным участком под пашню (наделом) при безусловности коллективного распоряжения всеми общинными угодьями — несомненная установка русской крестьянской ментальности и обычного права. Практически для всех «крестьянских» веков нашей истории — это и константа, и аксиома. Индивидуальная крестьянская собственность на землю насаждалась аграрной реформой П.А. Столыпина и, невозможно это отрицать, в целом отторгалась русской деревней, которая осталась преимущественно общинной до революции 1917 года и стала практически стопроцентно общинной после нее. На западе Европы уже в эпоху раннего средневековья фиксируется община-марка, соседское сообщество крестьян (непосредственных производителей), для которого, в отличие от предшествующей общины древних германцев, уже была характерна частная собственность (аллод) главы семьи-двора на пахотную землю с наследованием по принципу майората в сочетании с общинным владением пастбищами, лесами, лугами и другими угодьями (альменда). По утверждению академика С.Д. Сказкина, русская община на всем протяжении своего существования сохранила принцип

периодического уравнильного передела, тогда как в общине-марке пахотная земля являлась собственностью главы малой семьи, переходящей по наследству [2. С. 64].

Другой существенный маркер цивилизационной специфики — у славян кровнородственная община, в которой сообщество и организация с иерархией выстраиваются по принципу кровного родства, с опережением по фазе сменилась соседской (территориальной) [3. С. 13]. Общая закономерность политогенеза предполагает переход к доминированию территориально-соседских связей над кровно-родственными в рамках большого сообщества, и специфика славян в этом процессе просматривается и в изначально соседском характере самой первичной, низовой общины — селения, и в соседском (территориальном) характере связей между соседними общинами (селениями) и формирующимся центральным селением. Преобладание территориально-соседского принципа общинной организации характерно для оседлых земледельческих племен. А у племен кочевых, скотоводческих или военно-торговых принцип кровного родства по ходу политогенеза не только не вытесняется и не ослабевает, но и напротив, нередко играет государствообразующую роль. Территориальная община славян была обычно открыта для приема выходцев из других племен на положении свободных и равных, тогда как кровно-родственная — не допускала равенства и внутри семьи, а представители чужого «роду-племени» могли попасть в нее только в качестве неполноправных [4. С. 54]. Для территориально-соседской общины славян характерно равенство общинников (домохозяев) и семей (дворов), самоуправление и «советное» начало. В ней заправлял совет всех общинников. А в кровно-родственной общине, как отмечал славянофил К.С. Аксаков, не было настоящей свободы, самоуправления и совещательности. Для нее характерно полное подчинение сородичей авторитету и власти родового старейшины (патриарха) [5. С. 389]. Неравенство, иерархия неизбежны в общинных системах, выстраивающихся по принципу кровного родства. А суть общинного самоуправления у славян точно и образно передал византийский автор VI века — они не управляются одним человеком, издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим [6. С. 6].

Цель, материалы и методы

Цель настоящей статьи — на основе обобщения достижений исторической науки выявить общинную традицию как долговременный фактор политической истории России. Обращаясь к материалам по истории отечественной государственности до начала XVII столетия, предполагается рассмотреть политогенез восточных славян и государственность земель домонгольской Руси как формирование и развитие системы соподчиненных общин, а сословное самоуправление тяглых волостных и посадских общин (миров) — как низовой, локально-территориальный уровень вертикали государственного управления Московского (Русского) государства. В качестве основного метода

исследования применяется системный подход, ориентирующий в данном случае на выявление и интерпретацию роли и места общинного самоуправления в политической системе конкретного этапа (периода) в истории российской государственности. Теоретико-методологическим основанием исследования является цивилизационный подход к проблеме, предполагающий рассмотрение общинной традиции в истории русской государственности до начала XVII века как политическое проявление специфики русской цивилизации.

Обсуждение и выводы (Русь домонгольская)

Исторически наша общинная традиция восходит к территориально-соседской земледельческой общине восточных славян. На основе этой общины в процессе политогенеза формировались архаичные восточнославянские протогосударства, земли-волости, более известные нам со школьной скамьи как союзы племен. Слово «земля», как и слово «волость», как правило — в сочетании с этнонимом (напр., поляне), а позднее — с названием центрального селения-города (напр., Киев), использовалось, судя по летописи, для названия практически уже государственных восточнославянских объединений (напр., Полянская или Киевская земля). Земля представляла собой систему соподчиненных общин, связанных между собой через «старшую» («стольную») общину центрального селения-города, которая осуществляла власть и консолидировала архаичную вертикаль протогосударственного управления [7. С. 306]. Земская (именно от слова «земля» в указанном смысле) вертикаль выстраивалась от периферийных окраинных селений к пригородам («младшим» городам), а от них — к «старшему» городу, центральной общине. А значит — и снизу вверх, с известным делегированием полномочий центральной общине. Судя по всему, это была и система даннических отношений (в смысле уплаты дани-налога): сельская округа «тянула» к «младшему» городу, а затем все вместе — к «старшему», возглавляющему систему соподчиненных общин [7. С. 158–159]. В рамках такой земской государственности высшей властью обладало вече — собрание «старшей» общины. Бесценное летописное свидетельство подтверждает и изначальный характер института вече, и его повсеместное распространение в землях домонгольской Руси, и соподчинение общин в рамках конкретной земли: «...новгородцы изначала, а также и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости как на совет сходятся на вече, и что решат старшие, то и пригороды принимают...» [8. С. 231].

На уровне земли намечается и зародыш публичной власти, постепенно уходящий в отрыв от общинного самоуправления — княжеско-дружинная корпорация. Однако земская элита (бояре, «лучшие люди») от общины не отрывалась и обеспечивала воспроизводство и эффективность самоуправления как отдельных общин, так и всей земли в целом. Действовала развитая система выборных должностных лиц (тысяцкий, посадник, «старцы градские» и т.п.), подконтрольных собраниям избирателей. По мнению С.В. Перевезенцева, такая земская власть — исторически сформировавшаяся

и наиболее целесообразная (органичная) форма организации для восточных славян, построенная на принципе выборности снизу вверх [3. С. 15].

В IX веке этот органичный политогенез — в рамках земли — был деформирован пришествием кровно-родственного военно-торгового народа русь, который стремился взять под контроль основные торговые пути, проходившие через районы расселения восточных славян. В итоге деятельности русов в поколении Олега, Игоря и Ольги на землях (в т.ч. — и на фундаменте земель как архаичных политий) восточных славян возникло и устоялось довольно рыхлое государственное образование, которое стали называть Русской землей, Русью. При этом земская структура управления у восточных славян сохранилась и воспроизводилась, взаимодействуя с внешней властью Рюриковичей, утвердившихся к началу XI века в качестве князей практически во всех «старших» (стольных) городах домонгольской Руси. Сословное деление в ту эпоху практически еще не сложилось, соответственно и различие сельских и городских общин не носило сословного характера. Свободные общинники, проживавшие и в городах, и в сельской местности («люди», в ед. числе в «Русской правде» используется форма «людин»), составляли абсолютное большинство населения земель (княжеств) домонгольской Руси. Вне общинных структур и общинного регулирования, по большому счету, в древнерусском обществе оставались, с одной стороны, князья и дружинники, а с другой — различные категории несвободного населения.

Обсуждение и выводы (Русь Московская)

После катастрофы монголо-татарского нашествия и в условиях золотоордынского ига государственность в северо-восточных русских землях восстанавливалась не снизу, а сверху. Уже не как земля — система соподчиненных общин с развитым и политически активным городским самоуправлением, а как военно-служилая сословная монархия с санкционированной ханом княжеской властью. Осознав, что занятие княжеского стола отныне санкционируется не народом, собравшимся на вече, а ордынским «царем», северо-восточные Рюриковичи постарались не допустить реанимации политического потенциала общинного самоуправления. Да и сами города, многие из которых подверглись полному разорению с поголовным истреблением жителей в ходе Батыева нашествия, нуждались хоть в какой-то защите от монголов и видели ее только в князе, который мог бы выстроить отношения с Ордой и обеспечить относительную «тишину». После городских восстаний второй половины XIII века попытки реанимации института вече рассматривались монголо-татарами как достаточный повод к карательному походу. Именно монголы прежде всего были заинтересованы в подавлении вечевой традиции [9. С. 217], а в перспективе от этого политически выигрывали Рюриковичи северо-восточных княжеств. Над резко ослабевшим, деморализованным и задавленным общинным самоуправлением городов (посад) и сельской округи

(волость) нависли усилившаяся княжеская власть и управление в виде института княжеского (позднее — Государева) двора.

Формирование сословий в Московской Руси шло по принципу раскладки обязательной государевой службы или государева тягла (комплекс даней и натуральных повинностей). Совокупность этих сословий, служилых и тяглых составило понятие «вся земля» [10. С. 146]. Тяглые люди были приписаны либо к городским общинам (посаду), либо к волостным крестьянским мирам. Самоуправление таких общин, соответственно, было и территориальным, местным, и сословным, посадским или крестьянским. Это самоуправление было интегрировано в систему государственного управления в качестве низового местного уровня. Такая практика была проявлением общей закономерности, характерной для аграрно-традиционного общества. Община, как правило, является территориальной организацией непосредственных производителей, податных сословий, выполняющих известные обязанности по отношению к государству. А общинное самоуправление закономерно встраивается в вертикаль государственной власти в качестве ее низового сословно-представительного звена. Подчеркивая эту характерную слитность коронной администрации в ее низовом звене и выборных властей общинных миров, Л.В. Данилова верно объясняет это явление необходимостью компенсировать слабость и неразвитость государственного аппарата [7. С. 311]. В нашем случае это обстоятельство объективно отягощалось условиями развития России как общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Обеспечение государственного управления на своей территории и применительно к своей сословной группе в России понималось как сословная обязанность и посадского, и крестьянского самоуправления. Обязанность выборных должностных лиц общинного самоуправления нести службу по местному государственному управлению в городах и слободах, в волостях и селениях понималась как повинность, часть тягла. Историки обращают внимание на эту специфику: в странах Западной Европы политическая централизация сопровождалась освобождением сословий, а в Московском государстве этот процесс был неразрывно связан с прикреплением населения к службам и повинностям (тяглу) [11. С. 46].

В структуре уезда с уездным центром — как правило, бывшим стольным городом прежнего княжества — и волостями с волостными центрами крестьянское общинное самоуправление обеспечивало волостной уровень управления полностью или почти полностью (там, куда назначался «коронный администратор» — волостель, как правило, из числа местных уездных дворян). В городе управление обеспечивалось самоуправлением посада. В целом государственное управление в уезде строилось по принципу сословного представительства и на основе взаимодействия коронной администрации (наместника или воеводы) с выборными должностными лицами местной дворянской корпорации («служилого города»), местного духовенства, посада и волостей. С середины XVI века назначаемых из центра наместников

заменили избираемые из числа местных служилых людей губные старосты. Волостные миры были связаны между собой и с посадской общиной уездного центра и обеспечивали вместе с местными дворянами и духовенством всесловное представительство на уровне уезда.

В структуре волостного самоуправления черносошных (государственных) крестьян действовали сходы и выборные должностные лица — старосты, сотские и десятские. Самоуправление крестьянской общины действовало и под «крышей» частно-феодалного землевладения, причем не утрачивая административно-публичных функций и статуса. Даже и в крепостной деревне под надзором помещика или его управляющего крестьянский мир сохранял привычное самоуправление [4. С. 60].

Заключение

На живую традицию общинного самоуправления опирался институт Земских соборов (советов всей земли), историю которых принято вести с Собора примирения 1549 г. Общинное самоуправление обеспечило и формирование земских ополчений в годы Смуты. Таким образом, в истории отечественной государственности до воцарения Романовых общинная традиция убедительно просматривается в политиях домонгольской Руси — как самоуправление земли, институты которого (вече, боярский совет и др.) взаимодействовали (зачастую — как сила, более влиятельная) с князьями, а в Московском государстве — как территориально-сословное самоуправление посадских и волостных тяглых миров, встроенное в систему государственной администрации в качестве ее низового звена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
2. *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973. 454 с.
3. *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. М.: Академический проект, 2018. 571 с.
4. *Кузьмин А.Г.* Самоуправление в России // Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М.: «Русская панорама», 2005. 336 с.
5. *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Издательство «Культура», 1993. 761 с.
6. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие. М.: «Проспект», 1999. 592 с.
7. *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
8. Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Сост., авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. Арзамас, 1993. 383 с.
9. *Андреева Л.А.* Монархическая государственность в России // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедия / ред. Кол.: Мчедлов М.П. и др. М.: Республика, 2001. 544 с.

10. Графский В.Г., Ефремова Н.Н., Карпец В.И. и др. Институты самоуправления: историко-правовое исследование // М.: Наука, 1995. 301 с.
11. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. / отв. ред. Н.Г. Королева. Кн. 1: 1864–1904. М.: Наука, 2005. 428 с.

REFERENCES

1. Pipes R. *Rossija pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; 1993. 421 p. (In Russ.).
2. Skazkin S.D. Ocherki po istorii zapadnoevropejskogo krest'janstva v srednie veka. *Izbrannye trudy po istorii*. [Essays on the History of the Western European Peasantry in the Middle Ages. *Selected Works on History*]. Moscow: Nauka; 1973. 454 p. (In Russ.).
3. Perevezentsev S.V. *Russkaja istorija: s drevnejshih vremen do nachala XXI veka* [Russian History: From Ancient Times to the Beginning of the XXI Century]. Moscow: Academic Project; 2018. 571 p. (In Russ.).
4. Kuzmin A.G. *Samoupravlenie v Rossii. Marodery na dorogah istorii* [Self-government in Russia. *Looters on the Roads of History*]. Moscow: "Russian panorama"; 2005. 336 p. (In Russ.).
5. Shapiro A.L. *Russkaja istoriografija s drevnejshih vremen do 1917 g.* [Russian Historiography from Ancient Times to 1917]. Moscow: Publishing House "Culture"; 1993. 761 p. (In Russ.).
6. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *Hrestomatija po istorii Rossii s drevnejshih vremen do nashih dnei. Uchebnoe posobie* [A Textbook on the History of Russia from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: "Prospect"; 1999. 592 p. (In Russ.).
7. Danilova L.V. *Sel'skaja obshhina v srednevekovoj Rusi* [Rural Community in Medieval Russia]. Moscow: Nauka; 1994. 318 p. (In Russ.).
8. *Povesti vremennyh let (Lavrent'evskaja letopis')*. Sost., avtory primechanij i ukazatelej A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; vstupitel'naja stat'ja i perevod A.G. Kuz'mina [Tales of Bygone Years (Lavrent'evskaja letopis'). Ed. by A.G. Kuzmin, V.V. Fomin]. Arzamas; 1993. 383 p. (In Russ.).
9. Andreeva L.A. *Monarhicheskaja gosudarstvennost' v Rossii. Rossijskaja civilizacija: Jetnokul'turnye i duhovnye aspekty: Jenc. Slovar'*. Red. Kol.: Mchedlov M.P. i dr. [Monarchical Statehood in Russia. *Russian Civilization: Ethno-cultural and Spiritual Aspects*. Ed. by Mchedlov M.P. et al.]. Moscow: Republic; 2001. 544 p. (In Russ.).
10. Grafsky V.G., Efremova N.N., Karpets V.I. et al. *Instituty samoupravlenija: istoriko-pravovoe issledovanie* [Institutes of Self-Government: Historical and Legal Research]. Moscow: Nauka; 1995. 301 p. (In Russ.).
11. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918: v 2 kn.* Otv. red. N.G. Koroleva [Zemstvo Self-government in Russia, 1864–1918: in 2 books. Ed. by N.G. Koroleva. Book 1: 1864–1904]. Moscow: Nauka; 2005. 428 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Яхшиян Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0003-0097-5193) (e-mail: yakhshiyana@mail.ru).

Information about the author:

Oleg Y. Yakhshiyana — PhD in History, Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0097-5193) (e-mail: yakhshiyana@mail.ru).